
12. *Tereschenko A. G. Stanovlenie i razvitie voenno-pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii: metodologiya, istoriya, prioritetyi sovremennosti: monografiya. Voronezh: VAIU, 2012. 312 s.*

13. *Chernilovskiy Z. M. Problemyi pravovoy i politicheskoy ideologii: sb. nauch. tr. / otv. red. Z. M. Chernilovskiy, I. A. Isaev. M.: VYuZI, 1989. 180 s.*

В. Д. Черняк, Хо Канин

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА РАССКАЗОВ Ю. КАЗАКОВА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В статье показана роль лексических единиц с семантикой цвета в языковой картине мира. В художественном тексте словам, относящимся к полю цвета, принадлежит особая роль. На материале рассказов Ю. Казакова показано, какими лексическими средствами передается цветовая палитра автора. Основными средствами создания цветовой палитры Ю. Казакова являются различные группы прилагательных, в том числе составные прилагательные и прилагательные-метафоры. Показана роль слов поля цвета в организации целого текста.

Ключевые слова: поле цвета, цветové прилагательные, метафора, художественный текст.

V. Chernyak, Huo Kangying

COLOUR SPECTRUM IN STORIES OF Y. KAZAKOV: LEXICAL REPRESENTATION

The research is aimed at showing the role of lexical units with semantic component «colour» in the Russian linguistic world picture. The words denoting colour play a special role in literary texts. The analysis based on stories of Y. Kazakov reveals the main lexical means used by the author to express a wide range of colours. First of all, different groups of adjectives are used, including compound and metaphorical adjectives. It is proved that the words of the field «colour» play a key role in organising the whole text of the story.

Keywords: a field of colour, colour adjectives, metaphor, literary text.

Цвет — один из чрезвычайно значимых фрагментов языковой картины мира, в значительной степени определяющий его национальную специфику. По словам В. Г. Гака, «сравнительное изучение способов обозначения цвета в разных языках — одна из традиционных тем лингвистики. На примере названий цвета можно убедиться, что даже такое объективное, общее для всех людей физическое ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования окрасок составляют в каждом языке сложную систему, и

системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [2, с. 198]. Р. М. Фрумкина отмечает, что «цвет есть порождение нашего глаза и мозга», а феноменология «мира цвета» отражена в языке и особым образом структурирована [9, с. 6]. Семантика слов-цветообозначений, их происхождение, особенности употребления исследуются специалистами различных областей лингвистики [1, с. 4]. Отметим, что исследование цветообозначений имеет большое значение в аспекте лингвокультурологии, поскольку восприятие цвета

национально и культурно обусловлено, вербализация цветовой картины мира специфична для разных языков. Это следует учитывать и при порождении, и при восприятии текстов.

В исследовании форм вербализации цветовой палитры мы исходим из концепции полевой организации лексики. В центре поля цвета находятся как основные цветочные прилагательные (*белый, синий, зеленый, красный* и т. п.), так и составные прилагательные, демонстрирующие нюансировку цветовой палитры [6], а также метафорические по своему происхождению цветочные прилагательные (*вишневый, лимонный, пепельный*). Слова других частей речи с семантическим компонентом «цвет» формируют значительную часть поля (*чернота, зелень, белеть, порозоветь, красно, бело* и т. п.).

Многогранность цветовой картины мира является результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов (особенностей восприятия конкретной языковой личности) и находит отражение в различных типах текстов.

Группа цветообозначений, как отмечают лингвисты, перспективна для изучения с точки зрения выражения оценочного спектра, отражения влияния культурологических, социально-символических, исторических, природно-географических условий на специфику языковой концептуализации [4, с. 6].

В художественной картине мира цветообозначениям принадлежит особое место, поскольку цветовая палитра художника, в том числе художника слова, воплощает своеобразие видения писателя, его взгляд на мир, природу и человека: «В художественном тексте универсальный знак отражает уникальность опыта личности, проекцию мира на личность, ракурс видения предметов восприятия или воображения» [8, с. 71].

Данная статья посвящена использованию лексических единиц поля цвета в рас-

сказах Ю. П. Казакова. Обращение к творчеству Ю. Казакова (1927–1982) не случайно. Ю. Казаков — продолжатель бунинской традиции, признанный мастер рассказа, певец природы Русского Севера, глубокий психолог, передающий тонкие движения души человека. Между тем его творчество остается почти не изученным. Работы, посвященные лексическому аспекту организации текстов Ю. Казакова, практически отсутствуют.

Цвет в произведениях Ю. Казакова отражает особенности авторского видения мира и человека в мире. Как пишет Е. Ш. Галимова, «психологизм <...> импрессионистичность его мировосприятия, тяга к анализу подвижных, переходных, текучих состояний» являются неотъемлемой составляющей творчества Юрия Казакова» [3, с. 21]. В изображении этих текучих состояний немалая роль принадлежит лексемам с семантикой цвета. Показателен фрагмент из рассказа «Арктур — гончий пес». Герой рассказа, старый доктор, разговаривает с появившейся в его доме собакой, слепой от рождения: « — Ах, Арктур! — тихонько говорил я ему. — Бедный ты пес! Не знаешь ты, что на свете есть яркое солнце, не знаешь, какие *зеленые* по утрам деревья и кусты и как сильно блестит роса на траве: не знаешь, что вокруг нас полно цветов — *белых, желтых, голубых* и *красных* — и что среди *седых* елей и *желтеющей* листвы так нежно *краснеют* гроздья рябины и ягоды шиповника. Если бы ты видел по ночам луну и звезды, ты, может быть, с удовольствием полаял бы на них. Откуда тебе знать, что лошади, и собаки, и кошки — все *разных цветов*, что заборы бывают *коричневыми*, и *зелеными*, и просто *серыми* и как сильно блестят стекла окон при закате, каким *огненным* морем разливается тогда река!». Организующие текстовый фрагмент лексем с семантикой цвета подчеркивают особую роль цветовой палитры в видении и восприятии мира. Без «цветового воплоще-

ния» окружающий мир теряет свои важнейшие качества.

Лексемы, образующие цветовое поле в текстах Ю. П. Казакова, варьируются от элементарных обозначений цвета («первые желтые листья», «серая щетина», «низкое серое небо») до сложных образов («кровяными каплями дрожала земляника», «всегда будут пылать, багроветь и зеленеть закаты»).

В произведениях Ю. Казакова большое место занимают основные цветовые прилагательные. Ср., например: на человеке были *белые* панталоны, мягкие *черные* сапоги и *лиловая* куртка с нашитой спереди золотой тесьмой («Гедди»); избы стояли *черные* («Некрасивая»); *зеленые* поля, *черный* ельник («Странник»); *белый* мох («Манька»); *красный* свет костра («На охоте»); *белые* ромашки («Голубое и зеленое»); *голубые* перелески на горизонте («Запах хлеба»); первые *желтые* листья, *голубое* окно в тучах («В тумане»); бугры *серого* камня («На острове»). Оттенки цвета передаются с помощью суффиксальных прилагательных: слабый *красноватый* луч; *желтоватое* зарево огней над Москвой («Голубое и зеленое»); *зеленоватые* глаза («Манька»); *желтоватые* полосы света из окон («Дом под кручей»).

Очень много в цветовой палитре Ю. Казакова сложных прилагательных, позволяющих передать оттенки цвета. Ср.: *темно-синее* платье, *молочно-белый* молодой месяц («Некрасивая»); снег и небо делаются *темно-голубыми* («Голубое и зеленое»); *грязно-белый* пароход, *темно-зеленые* камни под водой, *золотисто-желтые* березки («На острове»); *тускло-багровый* диск солнца («Манька»); *сочно-зеленые* темнеющие овсы («Странник»); *ослепительно-белая* река («Дом под кручей»); *красновато-коричневые* лоси («Плачу и рыдаю»); *молочно-белый* молодой месяц, *золотисто-розовый* крест колокольни; *сочно-зеленые* темнеющие овсы («Стран-

ник»); *изумрудно-синяя* громадность моря («Старики»); *иссиня-бирюзовое* небо («Ни стуку, ни грюку»); *лаково-коричневые* рога оленя, *туманно-сизы* и гибки их набухшие ветки («Оленьи рога»); *черно-смоляной* чуб («Поморка»). Обилие составных прилагательных демонстрирует поразительную зоркость автора, отказ от одномерного восприятия сложной цветовой картины. Частью сложных прилагательных нередко выступают метафорические обозначения.

Поскольку «мир цвета» — феномен чисто психологический [9, с. 6], он основывается на личностной интерпретации информации, которая поступает через зрительный канал связи. В этой интерпретации активно используются механизмы метонимии и метафоры [7, с. 21]. Автор нередко эксплицирует в тексте рефлексии говорящего по поводу восприятия цвета. Ср.: «Смотри, какие стволы у осин, — говорила она и останавливалась. — *Цвета кошачьих глаз*. — Он тоже останавливался, смотрел, и верно. Осины были *желто-зеленые* наверху, совсем как *цвет кошачьих глаз*» («Двое в декабре»).

Метафорические цветообозначения существенно дополняют цветовую палитру в текстах Ю. Казакова: *ржавые* стебли кувшинок («Голубое и зеленое»); узкая *красная* полоса заката; туман покрыл луга *молочными* прядями («Странник»); блесна *серебряная*, с красным пером («Вон бежит собака!»); *пепельный* свет («Осень в дубовых лесах»); *опалово-мутная* чайница («Адам и Ева»); мигал *рубиновым* глазом маяк («Проклятый север»); *янтарные* навозные пятна («Дом под кручей»); *янтарные* рыжики везде, *румяные* волнушки («Никишкины тайны»); *перламутровые* облачка («Ночлег»). Цветообозначения-метафоры, нередко соединяющиеся способом словосложения с базовыми цветовыми прилагательными, — чрезвычайно активно эксплуатируемое автором средство создания цветовой картины. Примеры его ис-

пользования можно найти в любом рассказе Ю. Казакова.

В основе метафорических номинаций нередко лежит представление об эталонах цвета [5], что отражено и в словарных материалах, и в списке слов-цветообозначений Р. М. Фрумкиной (*апельсиновый, бронзовый, брусничный, гранатовый, изумрудный, клюквенный, кофейный, медный, опаловый, персиковый, шоколадный* и мн. др.) [9, с. 41]. Нередко в качестве эталонов цвета выступают названия растений, плодов, драгоценных и полудрагоценных камней, металлов и т. п., однако в художественном мире Казакова привычные метафоры, как правило, трансформируются. Ср., например: в лесу стоял *золотистый прозрачный* пар, прижмуренные *бирюзовые* глаза уток («На охоте»); *тускло-серебряная* семга, *изумрудные* пятна мокрой молодой ржи; древесина на срубе была *янтарной* («Осень в дубовых лесах»); река становится *неподвижно золотой* («Трали-вали»); светилась *жемчужная* цепочка фонарей («Свечечка»).

Приведенные примеры прилагательных с семантикой цвета, число которых в текстах Ю. Казакова очень велико, а семантический спектр разнообразен, демонстрируют лишь одну составляющую цветовой палитры автора. Поле цвета в рассказах Казакова, кроме прилагательных, представлено многочисленными случаями использования слов других частей речи с ядерной семантикой цвета, прежде всего глаголов: *серебрились* в солнечном луче иглы; всегда будут *пылать, багроветь и зеленеть* закаты («На охоте»); *розовели* на фиолетовом небе башни («Старики»); *чернели* верхушки ивняка («Вон бежит собака!»); на холме ярко *зеленела* озимь («Тедди»); сразу *глохнет* и *голубеет* все вокруг («Оленьи рога»).

Приведенные минимальные контексты выразительно демонстрируют богатую цветовую палитру Ю. Казакова. При этом достаточно четко выделяются объекты цве-

тового восприятия художника. Это природа, человек и различные артефакты.

Конечно, самое большое количество лексем с семантикой цвета представлено в описаниях природы, животного и растительного мира. В портретных характеристиках цветообозначения акцентируют внимание читателя на значимых деталях: *красная* короткопалая рука («На полустанке»); *чернявый* полненький человек с *розовым* гладким лицом («Легкая жизнь»); руки у него *красные*, лицо *бурое*, борода *светлая* («Никишкины тайны»). Даже в характеристиках предметного мира цветообозначения позволяют лаконично передать своеобразие значимых деталей: лампа в *розовом* абажуре («Голубое и зеленое») указывает на покой и домашний уют; *голубые от синьки*, чистые полотенца; чистая рубашка, уже *пожелтевшая* и пропахшая деревом сундука («Поморка») фиксируют выразительные особенности крестьянского быта; ошейник с *позеленевшей* медной пряжкой («Арктур — гончий пес») подчеркивает утраченную связь погибшей собаки и ее хозяина.

Как уже отмечалось, совокупность лексических составляющих поля цвета, представленных в минимальных контекстах (словосочетание, короткое предложение или небольшой его фрагмент), демонстрирует чрезвычайно насыщенную цветовую палитру художника слова, однако в полной мере роль цветописи в художественном тексте можно осмыслить только при обращении к целому тексту. Так, в рассказе «Звон брегета», прекрасно передающем атмосферу тревоги и мрачных предчувствий Лермонтова в день, когда состоялась трагическая дуэль Пушкина, велика роль поля цвета: «по *лиловому* небу летели первые *черные галки*»; «*замглилась тусклой иглой* Петропавловская крепость»; «*серые, сумрачные облака* то расходились слегка, то сходились, и город наполнялся по очереди то *фантастически-смуглым*, то буд-

нично-зимним светом»; «стало *темнеть*, стало все *блекнуть*, мертветь»; «он увидел *черные стены Эрмитажа*»; «*желтый свет на всем холодном и синем*». Отметим, что здесь, как и во многих других случаях, слова с семантикой цвета органично соединяются со словами поля цвета.

В заключение еще раз подчеркнем, что в рассказах Ю. Казакова, формирующих ги-

пертекст автора, лексические единицы поля цвета играют особую роль. Они не только демонстрируют исключительную зоркость писателя, его умение с помощью лаконичных лексических средств создать зримую картину природы или выразительные черты портрета, но оказываются важным средством создания художественного целого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
2. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
3. *Галимова Е. Ш.* Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Изд-во Поморского гос. пед. ун-та, 1992. 197 с.
4. *Гатауллина Л. Р.* Роль цветообозначений в концептуализации мира (на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 24 с.
5. *Красных В. В.* Эталон vs. прототип: взгляд филолога // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. [Электронное издание]. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 241–262.
6. *Голубь Е. А.* Сквозные мотивы языковой картины мира (на примере лексико-семантической группы «Цвет» в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
7. *Матросова Я. Л.* Морфологические классификации русских цветообозначений, представленных в языке художественной литературы // Вестник Нижегородского лингвистического университета. 2016. Вып. 36. Язык и культура. С. 61–74
8. *Чернейко Л. О.* Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017. 208 с.
9. *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.

REFERENCES

1. *Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mischenko S. S.* Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyike / pod obsh. red. A. P. Vasilevicha. M.: KomKniga, 2005. 216 s.
2. *Gak V. G.* Sopotavitelnaya leksikologiya. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1977. 264 s.
3. *Galimova E. Sh.* Hudozhestvennyiy mir Yuriya Kazakova. Arhangelsk: Izd-vo Pomorskogo gos. ped. un-ta, 1992. 197 s.
4. *Gataullina L. R.* Rol tsvetooboznacheniy v kontseptualizatsii mira (na materiale frazeologizmov angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, russkogo i tatarskogo yazyikov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2005. 24 s.
5. *Krasnyih V. V.* Etalon vs. prototip: vzglyad filologa // Pamyati Anatoliya Anatolevicha Polikarpova. [Elektronnoe izdanie]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2015. S. 241–262.
6. *Golub E. A.* Skvoznnye motivyi yazyikovoy kartinyi mira (na primere leksiko-semanticheskoy gruppyi «Tsvet» v angliyskom i russkom yazyikah): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 24 s.
7. *Matrosova Ya. L.* Morfologicheskie klassifikatsii russkih tsvetooboznacheniy, predstavlennyih v yazyike hudozhestvennoy literaturyi // Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyip. 36. Yazyik i kultura. S. 61–74
8. *Cherneyko L. O.* Kak rozhdetsya smysl: Smyislovaya struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniya. M.: Gnozis, 2017. 208 s.
9. *Frumkina R. M.* Tsvet, smysl, shodstvo: aspektyi psiholingvisticheskogo analiza. M.: Nauka, 1984. 175 s.